

У ТУВИНЦЕВ СИНЬЦЗЯНА: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

М. В. Монгуш

Аннотация: Статья посвящена международной научной экспедиции под руководством японского профессора Ю. Конагая в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, которая состоялась летом 2012 г. Автор исследует особенности образа жизни и культуры китайских тувинцев.

Ключевые слова: Тува, Синьцзян, тувинцы, кок мончаки, научный туризм, малочисленные народы Китая.

В 1992–1994 годах мне посчастливилось быть одной из участниц Международного научно-исследовательского проекта «Сохранение природной и культурной среды во Внутренней Азии», который осуществлялся на базе Кембриджского университета Великобритании под руководством известного антрополога, доктора Кэролайн Хамфри. Проект финансировался американским Фондом Джона и Кэтрин МакАртуров.

В рамках проекта предусматривались полевые исследования в малоизученных регионах Внутренней Азии. Я решила поехать в Синьцзян, где по некоторым непроверенным данным, проживала небольшая группа этнических тувинцев. Точных сведений о них в ту пору не было. Как российская, так и зарубежная этнографическая наука не располагала какими-либо данными, которые давали бы более или менее целостное представление о них. Крайне редкие и очень скудные упоминания об этой группе тувинцев, встречавшиеся в научной литературе, представляли собой лишь мелкие штрихи, по которым невозможно было судить о ней. Поэтому неудивительно, почему мне, тувинке из России, изучающей историю и этнографию своего народа, захотелось во что бы ни стало восполнить этот пробел. Доктор Кэролайн Хамфри не только поддержала эту идею, но и всячески посодействовала тому, чтобы поездка состоялась как можно скорее.

Монгуш Марина Васильевна - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований, ведущий научный сотрудник Российского института культурологии.

Путь, который мне пришлось проделать, оказался долгим и нелегким. Сначала я вылетела из Кызыла в Москву, чтобы оформить там китайскую визу. Оттуда взяла курс на Урумчи, столицу Синьцзян Уйгурского автономного района (СУАР) Китая. Летела туда через Алматы, бывшую столицу Казахстана. Казахи к тому времени уже обрели суверенитет и сумели наладить регулярное авиасообщение с соседним Китаем.

В Синьцзяне я провела 22 дня — с 19 июня по 10 июля 1993 г. В поездке по региону меня сопровождал Дильмурат Омар, китаец казахского происхождения, филолог-тюрколог по образованию, которого мне «сосватал» Цуй Иен Ху, коллега по проекту в Кембридже. Результаты наших полевых исследований легли в основу нескольких статей (Монгуш, 1995а, 1995б, 2000; Mongush 1996а, 1996б, 1998, 2004) и отдельных монографий (Монгуш 1997, 2002, 2010). Так неожиданно малоизвестная во всех отношениях и почти мифическая группа китайских тувинцев, какой она представлялась раньше, стала для меня вполне осязаемой реальностью, чем-то очень близким и родным.

Шли годы. Много менялось в жизни и в политике наших стран. Если в начале 1990-х попасть к тувинцам в Синьцзян считалось одним шансом из тысячи, поскольку иностранцев туда не особо пускали, то со временем ситуация стала меняться. Через какое-то время у китайских тувинцев побывали японский этномузыковед Масахико Тодорики (в 2006 г.), исследователи из Тувы Ж. Юша, М. Бавуу-Сюрюн (в 2010 г.), У. Донгак, З. Самдан и Б. Баярсайхан (в 2011 г.). Предварительные результаты их исследований были опубликованы в различных электронных изданиях (Todoriki 2009, Юша 2011, Бавуу-Сюрюн 2011, Донгак 2011). Статьи моих коллег содержали много новых и интересных фактов, которые свидетельствовали о значительных переменах, происшедших в жизни китайских тувинцев за эти годы. Особенно приятным было то, что рассказали мне коллеги. Оказалось, что все информанты, с которыми я общалась, помнили меня. Они помнили, какие вопросы я им задавала, что рассказывала о Туве, а некоторые даже умудрялись слово в слово воспроизводить мои речевые обороты, столь характерные для тувинцев Российской Федерации.

И вот спустя почти 20 лет мне вновь повезло — я приехала в Синьцзян во второй раз. На этот раз поездку осуществить помог Национальный музей этнологии (Минпаку) г. Осака (Япония), где я в 2009–2010 гг. пребывала в качестве приглашенного зарубежного профессора. Результатом моей научной командировки стала публикация монографии «Один народ: три судьбы», посвященная тувинцам России, Монголии и Китая. Собственно эта книга и послужила толчком для нашей экспедиции — японские коллеги изъявили же-

вание своими глазами увидеть, как живут тувинцы в этих странах, а я со своей стороны предложила им снять этнографический фильм.

Так благодаря инициативе, а также финансовой поддержке Минпаку была организована совместная японско-китайско-монгольско-российская экспедиция в Синьцзян. Японскую сторону представляли директор департамента социальных исследований, профессор Юки Конагая, оператор Киеказу Иномото, звукорежиссер Хазуки Андо; китайскую сторону — профессор Центрального университета национальностей (Пекин) Сарангерел; монгольскую — профессор Монгольского национального университета науки и технологии Ичинхорлоо Лхагвасурен. Российскую сторону представляла я.

Наша экспедиция состоялась в июле-августе 2012 года. Мы проехали по следующему маршруту: Пекин — Урумчи — Бурчин — Ханас — Ком — Адыр-Дыт — Ала-Хаак и обратно.

Другой Урумчи

Как и в далеком 1993 году, поездка к китайским тувинцам началась с Урумчи, столицы Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) Китая. Мы вылетели туда из Пекина рано утром 27 июля 2012 года.

Время в пути заняло примерно четыре часа.

Когда приземлились, я не узнала аэропорт. Помню, в 1993 году это было небольшое серое душное здание с огромным столпотворением народа, без элементарных условий для пассажиров. Сегодня аэропорт Урумчи — это огромное современное здание, оснащенное самыми последними достижениями техники. Выйдя из него, я попала в пространство, совершенно отличное от того, которое увидела тогда. В ту пору в городе практически отсутствовали асфальтированные дороги, на улицах было пыльно, грязно и смрадно, на каждом шагу можно было увидеть писающих осликов, лошадей с повозками, навьюченных быков, бедно одетых людей, уличных попрошайек, бездомных собак и кошек. Машин было мало, а если и были, то преимущественно советского производства. Особенно у местного населения ценились «Волга» и «Жигули». Высотные здания встречались редко. Но что стало теперь?! Урумчи просто не узнать! Здесь появились хорошие дороги, ухоженные улицы и скверы, народ прилично оделся и пересел с дешевых велосипедов на дорогие иномарки. Место жалких и до невозможности грязных забегаловок заняли чистые и уютные кафе. Очень много построено жилых микрорайонов с развитой инфраструктурой, от прежних залатанных хибар почти ничего не осталось.

Одним словом, славный город Урумчи за прошедшие два десятка лет преобразился до неузнаваемости. Изменился и его этнический состав. Если раньше здесь в основном жили уйгуры, дунгане, казахи, монголы и прочие представители других народов, то сейчас сюда переселилось очень много ханьцев. Объясняется это тем, что в начале 2000-х гг. в Синьцзяне активизировались сепаратистские настроения со стороны уйгурского населения. В борьбе за обретение независимости от Китая уйгуров начали поддерживать международные террористические организации радикального исламистского толка. Тогда правительство страны решило разбавить мусульманское население Синьцзяна ханьцами.

Мы остановились в приличной гостинице в центре города. В нашем распоряжении осталось полдня. Немного передохнув в номере, я решила пройтись по близлежащим улицам. Боже, чего только не увидела! Обратила внимание на изменение облика местных женщин. Если в начале 1990-х годов практически невозможно было увидеть женщин с непокрытой головой, с открытыми ногами и плечами, то сейчас они настолько раскрепостились, что ничем не отличаются от западных барышень, щеголяющих в шортах и в мини юбках. И это при том, что Синьцзян — преимущественно мусульманский регион, где всегда были строгие требования к женщине в плане ее внешнего облика, и морального поведения. В свой первый приезд я еще застала женщин с паранджой, хотя их было немного. Сейчас они исчезли как класс. Хорошо это или плохо — покажет время.

О раскрепощении нравов можно судить и по другим фактам. Например, надпись на русском языке «Взрослые продукты» не могла не заинтриговать меня и я решила зайти посмотреть. Почему-то решила, что речь идет о зрелых фруктах, пригодных к немедленному употреблению, а странное сочетание слов списала на трудности перевода. А это оказался банальный секс-шоп! Я как зашла, тут же вылетела оттуда! Тувинский ученый ходит по неприличным заведениям — этого еще не хватало! Да, много чего изменилось в жизни урумчан.

Наша китайская коллега Сарангерел сказала, что в Урумчи живет несколько тувинских семей. Это вполне образованные люди, которые работают в государственных учреждениях. В вузах города учатся тувинские парни и девушки, появились среди них и аспиранты. Раньше, помню, когда спрашивала самих тувинцев, живут ли наши в столице Синьцзяна, они отвечали уклончиво: кое-кто может и посещал этот город, но вряд ли кто там живет постоянно. А до Пекина добравшихся среди них в то время и вовсе не было.

Языки общения

Тувинцы Синьцзяня живут в многоязычной среде, поэтому по мере необходимости свободно переходят с одного языка на другой. Из языков окружающих их народов они свободно владеют монгольским и казахским. И объясняется это следующим обстоятельством.

Дети китайских тувинцев учатся либо в казахских, либо в монгольских школах, причем предпочтение отдается последним, так как официально они считаются монголами. Когда ученики впервые приходят в школу, они не знают никакого языка, кроме тувинского. И поскольку преподавание ведется на монгольском языке, то учителям начальных классов, а это, как правило, тувинцы, приходится переводить учебный материал с монгольского на родной язык. Но с четвертого класса учащиеся уже начинают не только понимать, но и говорить на монгольском языке, который постепенно вытесняет их родной язык. То же самое происходит в школе, где преподавание ведется на казахском языке. Таким образом, тувинский язык отходит на задний план, а доминирующими языками общения становятся монгольский и казахский. Тувинский язык фактически служит только для общения в семье.

Тувинцы Синьцзяна полностью лишены того, что призвано гарантировать устойчивое сохранение языка, т. е. не имеют своей письменности, школ, учебников, печатных изданий и т. д. Если раньше они могли ловить по транзисторному радиоприемнику передачи из Тувы, то сейчас они лишены этой возможности по техническим причинам. В 1993 году мои интервьюеры отмечали, что язык тувинского радио вполне понятен им, но их собственный язык намного беднее по сравнению с языком российских тувинцев, особенно в области лексики. Сейчас же молодые люди предпочитают находить источники тувинского языка в Интернете; они, в частности, скачивают песни известных российских тувинских исполнителей и заучивают их наизусть.

Язык китайских тувинцев в целом совпадает с тувинским разговорным языком, хотя его фонетике, лексике, мелодике речи присуще некоторое своеобразие. В их речи заметен особый акцент, воспринимаемый на слух как влияние монгольского языка. Это не удивительно, так как носители данного диалекта на протяжении 200 с лишним лет живут изолированно от материнского этноса и не имеют никакого общения с жителями Тувы. В то же время грамматический строй их языка, по существу не отличается от такового основной массы тувинцев. Можно сказать, что китайские тувинцы создали самостоятельный диалект тувинского языка, сложившийся под влиянием монгольского, казахского, частично уйгурского и китайского языков.

В первый и во второй приезд я общалась с сородичами на родном языке. С первых же слов мы хорошо понимали друг друга, убеждались в том, что говорим на одном и том же языке, но имеющем некоторые особенности, которые иногда заставляли нас переспрашивать и уточнять. Общаясь с людьми различных возрастных групп, я заметила, что старики говорят на хорошем народно-разговорном языке без посторонних примесей, в то время как люди молодого и среднего поколений говорят на таком тувинском, в котором присутствуют всевозможные заимствования из других языков. Более того, во второй приезд я обнаружила, что тувинский язык в Синьцзяне заметно обеднел, в каком-то смысле даже деградировал. Если раньше я понимала все, что мне говорят, и меня понимали все, то в этот раз случались некоторые казусы: я задаю вопрос, а в ответ слышу совсем не то, о чем спросила. Моменты открытого непонимания часто случались при общении с молодыми людьми.

Отдельно следует сказать о положении китайского языка в Синьцзяне. В 1993 году местные жители вполне спокойно обходились без него в своей повседневной жизни. Я была тому свидетельницей. Тувинцы, как и их ближайшие соседи, владели китайским в недостаточной степени, хотя он входил в школьную программу и являлся обязательным для всех. Причиной тому была удаленность и труднодоступность Алтайского аймака и как следствие — его малая заселенность ханьцами — коренными носителями китайского языка. Многие тувинцы в то время отмечали, что именно из-за слабого знания китайского языка их дети не могут поступить в высшие учебные заведения страны, где преподавание ведется исключительным образом на китайском. Поэтому общий образовательный уровень моих сородичей, как правило, ограничивался либо средней школой, либо средним учебным заведением.

Сейчас же наблюдается совсем иная языковая ситуация. Многие молодые тувинцы уже довольно прилично говорят и пишут на китайском; китайский стал языком общения всех народов Синьцзяна. На этом фоне позиции местных языков и тувинского в том числе заметно ослабевают.

Молодые тувинцы, чтобы не забыть окончательно родной язык, очень хотели бы изучать его в Тувинском государственном университете, но они честно признались, что не знают, как это реально осуществить. Посоветовавшись с профессором Сарангерел, мы пришли к выводу, что если между Китаем и Тувой будет подписано соглашение о подготовке и обмене кадров, проблема сохранения тувинского языка в Китае в какой-то мере будет решена. Тем более такая практика уже существует между Китаем и республиками Российской Федерации — Бурятией и Калмыкией. Китайские буряты и калмыки

ежегодно отправляются на учебу в Улан-Удэ и Элисту. Мне остается только донести эту идею до властей в Туве.

Не могу не сказать несколько слов о влиянии русского языка на языки народов Синьцзяна, в том числе и на тувинский. Мне несколько раз доводилось слышать такие слова, как революция, марксизм-ленинизм, партия, политика, Советы, автономия, республика и ряд других, которые явно указывали на некогда существовавшее идеологическое единство между бывшим СССР и Китаем, а также лексику из области образования: школа, классы, гимназия, техникум, институт, университет, математика, химия, орфография, педагогика, право и другие. Оказавшись в Синьцзяне в 2012 году, я услышала русские слова, которые произносились тувинцами, на мой взгляд, очень забавно. Например, *чопр* (шофер), *картош* (картошка), *парээн* (варенье), *тук* (ток, электричество), *пилян* (план), *румка* (рюмка), *укул* (укол), *мэгэзин* (магазин) и другие.

Наличие русских слов в языке народов Синьцзяна объясняется довольно просто: до начала «культурной революции» в Китае, на территории Алтай-ского аймака проживало много русских староверов. Они жили большими деревнями, занимались земледелием, имели свои русские школы, куда брали учиться и местных детей. Но грянувшая «культурная революция» пришлась им не по душе и вынудила покинуть обжитые места. Какая-то часть староверов уехала в Австралию, другая перебралась в Америку через Бразилию, а большая часть обосновалась в России в пределах нынешней Республики Алтай. С тех пор остались в языках местных народов русизмы. Местное население, кстати, хорошо знакомо и с кириллицей, которой пользовались староверы; они ее называют «славянской письменностью» (славян бижик). Тувинцы уверены, что смогли бы освоить ее без особого труда и таким образом получить доступ к современным тувинским изданиям.

Основные занятия

Еще в 1993 году обратила внимание на то, что места проживания тувинцев Синьцзяна по своим физико-географическим и экологическим особенностям мало чем отличаются от Тувы. Они почти со всех сторон опоясаны горными хребтами, которые практически не пропускают на их территории насыщенные влагой воздушные течения извне. По ландшафту они очень близки к Восточной Сибири, чем обусловлен и их резко континентальный климат. Для этих зон характерны открытые пространства, где отсутствуют возможности для искусственного орошения, но зато имеются обильные разнотравьем пастбища. Здесь такие же, как в Туве, суровые зимы с резкими ве-

трами и жаркое лето с небольшим количеством выпадаемых осадков. В этих природно-климатических и ландшафтных условиях исторически сложился наиболее рациональный во всех отношениях хозяйственно-культурный тип скотоводов-кочевников.

Китайские тувинцы были и остаются непревзойденными животноводами. В их хозяйстве до сих пор сохраняются многие традиционные черты; они так же, как и российские тувинцы, имеют сезонные пастбища, роль которых в животноводстве незаменима — они являются главным условием содержания скота. Из домашних животных основную хозяйственную роль играют лошади, так как кочевание немислимо без этих животных, издавна приспособленных человеком для верховой езды и транспортировки груза. Помимо лошадей в большом количестве разводят крупный и мелкий рогатый скот. Особое предпочтение отдается разведению овец — животных, наиболее приспособленных к тебеневкам, т. е. зимним пастбищам, где скот находится на подножном корму.

Как бы велика ни была роль животноводства в жизни тувинцев, следует отметить, что они нуждаются и в продуктах земледелия. Поэтому в тех местах, где позволяют климатические условия, они занимаются земледелием — выращивают картофель, арбузы, капусту, морковь, репу, свеклу, огурцы, помидоры, лук. Основными видами промыслов являются охота, рыболовство и собирательство.

В настоящее время, помимо традиционного животноводства, тувинцы заняты также в других сферах деятельности. В свой первый приезд я познакомилась с учителями, врачами, ветеринарами, служащими органов управления и других общественных учреждений. Помню, они все произвели на меня впечатление очень простых и душевных людей, живущих чрезвычайно скромной и непрехотливой жизнью и при этом довольных и счастливых. Они тогда говорили: «Мы живем в Богом забытом уголке, до нас никто не может доехать, мы оторваны от остального мира».

Однако сегодня в жизни китайских тувинцев произошли разительные перемены, а вместе с ними в их жизнь вошли и новые виды деятельности. О них мне первым поведал водитель по имени Малчын, который вез нас из города Бурчин до деревни Ханас, где компактно проживает тувинское население. Оказалось, что Малчын помнит меня еще с того раза. А вез он нас, надо сказать, на собственной «Митсубиси», которую купил за 200 тысяч юаней (1 доллар США равен 6 юаням. — М. М.). Раньше таких машин в этих краях не было. На мой нескромный вопрос, как заработал на машину, он ответил, что

несколько лет катал китайских туристов на лошадях. Час такой поездки ханьцу обходится в 100 юаней. А если этим заниматься с утра до поздней ночи, можно заработать 1000 юаней в день. Именно таким способом многие тувинцы обзавелись своими машинами.

В Ханасе нас приняла тувинская семья. Хозяина звали Сорукту, он из рода Танды; хозяйку — Кумей, она из Кызыл Соянов. Супруги имеют небольшой гостиничный бизнес. Речь идет о 8-местной ночлежке, которую мы арендовали у них. Кумей готовила для нас нехитрую еду, ей помогали две девушки. Насколько я поняла, это у них не основной бизнес, а всего лишь возможность подзаработать. В доме имелся компьютер, все члены семьи пользовались мобильной связью. А ведь в 1993 г. один единственный телефонный аппарат имелся только у местного начальства.

В Ханасе мы посетили один культурный объект, который условно можно назвать центром тувинской культуры. Что там вытворял перед туристами молодой тувинец Наминделек — трудно передать словами. Вот где зарыты настоящие таланты. Он очень артистично и темпераментно рассказывал о тувинской культуре, сопровождая свой рассказ демонстрацией предметов материальной культуры. Например, говоря об изготовлении молочной водки, он брал в руки когээржик и наливал оттуда всем присутствующим немного араги. Когда рассказывал о музыкальной культуре, сопровождал свой рассказ исполнением той или иной песни под собственное инструментальное сопровождение. У него под рукой находился широкий выбор музыкальных инструментов: игил, хомус, допшулуур и т. д. Когда речь заходила о танцевальной культуре, Наминделек танцевал. Он честно отработал час перед туристами и те с благодарностью расплатились с ним. Парень уже четыре года развлекает их и по нему видно, что он достиг определенного мастерства в своем деле.

Посетили мы также туристический комплекс возле озера Ханас. Помню, в 1993 году это было совершенно дикое и безлюдное место. Сегодня озеро стало достопримечательностью для многочисленных туристов, приезжающих сюда, чтобы насладиться первозданной красотой и величием этих мест. Туристический бизнес в этих краях за последние 10 лет набрал невероятные обороты. Здесь построены хорошие дороги и гостиничные комплексы, устроены смотровые площадки на разных уровнях, откуда можно любоваться красотами озера, выложены мощенные дорожки для пешей прогулки. На берегу Ханаса стоят много катеров, теплоходов и лодок, предназначенных для водных прогулок. Недалеко от озера открыт рынок, где торгуют местные женщины — это специальный государственный проект, помогающий слабому

полу обрести свое место под солнцем. И, конечно же, в туристический бизнес активно вовлекается тувинское население. Китайские тувинцы туристов называют «сайакатчылар» или «сайакатчы» в единственном числе. В 1993 году этого слова не было в их лексиконе, они даже толком не представляли, что такое туризм.

Ярким примером предпринимателя стал для нас дед Шуукей (1930 года рождения), почетный житель поселка Ком. Он — владелец небольшого музея и пасеки. Под музей он выделил часть своего дома, где разместил небольшую экспозицию, состоящую из предметов материальной культуры тувинцев: национальной одежды, традиционной посуды из дерева, кожи и бересты, домашней утвари (санок, лыж, седел, мебели ручной работы и т. д.). Входной билет в музей стоит 35 юаней. В разгар туристического сезона желающих его посетить бывает довольно много.

Шуукей туристам на продажу предлагает также мед собственного изготовления и арагу — тувинскую молочную водку. Последняя пользуется особой популярностью у китайских туристов, они скупают ее в большом количестве. Литр араги стоит 40 юаней. Однако старик Шуукей пошел еще дальше. Он со своими детьми и внуками освоил сувенирное производство. Их нехитрые поделки выставляются на продажу вместе с оригинальными камнями, собранными с берега реки Ком. «Все на продажу» — таков принцип бабушки Шуукея. То ли в шутку, то ли всерьез он спросил, заплатим ли мы ему за общение с ним. В наших глазах он был настоящим бизнесменом, хотя и весьма пожилым.

Встретили мы в Комае и молодых тувинцев, активно вовлеченных в частный бизнес. Одна из них, например, зарабатывала тем, что предоставляла красочные национальные костюмы туристам, чтобы они могли в них сфотографироваться на память. За аренду костюма она брала 10 юаней. Ей помогал супруг-китаец. Другая тувинка в паре с казашкой владела небольшой торговой точкой, где туристы могли перекусить, выпить сока, купить сигареты и т. д. Мы и с ней пообщались. Но чтобы она осталась довольной, мы купили у нее арбуз. Все-таки она потратила на нас свое драгоценное время. А время — деньги. Китайские тувинцы это сейчас очень хорошо понимают.

Предлагать коммерческий продукт научилась даже детвора. Мы видели 8-10-летних опрятно одетых детей с маленькими ягнятами, бойко предлагающих заезжим туристам сфотографироваться с их любимцем или же на память сфотографировать их самих. Такой снимок стоит 5 юаней. Дети таким образом вносят свой посильный вклад в семейный бюджет и учатся зарабатывать

на жизнь. Чувство соперничества, желание быть лучше своих сверстников в этом деле им уже хорошо знакомо. Трудно сказать, к чему в будущем приведет подобная «жизненная закалка», но сегодня дети китайских тувинцев выглядят настоящими торговцами. Двадцать лет назад они были совсем другими: тихими, застенчивыми, немногословными и робкими, опускающими глаза вниз при общении со взрослыми.

Туристический сезон начинается с мая и длится до конца октября. Это максимально благоприятное время для местного населения, чтобы поправить свои финансовые дела. Зима и ранняя весна — мертвый сезон, активная жизнь замирает почти на полгода. В этот период все заняты другими своими делами, туризм — побочный бизнес, далеко не основной. Однако если в перспективе здесь будут созданы горнолыжные базы, а так скорее всего и будет, то многие смогут туристический бизнес сделать источником своего основного дохода. По всему, что делается китайским правительством в этом регионе, видно, что туризм здесь будет процветать и приносить огромные доходы в казну государства. Даже в наши дни Китай ежегодно принимает 70 миллионов туристов со всего мира, уступая пальму первенства традиционным туристическим странам Европы — Франции и Испании. В ближайшем будущем Китай намерен ежегодно принимать у себя 100 миллионов только иностранных туристов, не говоря уже о своих внутренних.

Туризм как возможность заявить о себе

Благодаря развитию туризма тувинцы учатся продавать себя в качестве экзотического народа, о котором до этого практически мало что было известно. С целью узнать их ближе в Ком приехала киносъёмочная группа из Урумчи. Она работает по специальной программе. В группе 25 специалистов разного профиля, начиная от оператора — до фотографа, от сценариста — до журналиста. Они работают посменно, но трое из них находятся постоянно среди тувинцев, изучая их повседневную жизнь. Им правительство выделило средства на несколько лет. По окончании проекта, они должны представить развернутую картину о китайских тувинцах, представленную в виде фотовыставок и телефильмов.

На данной основе правительство Китая будет изучать вопрос о дальнейшем развитии этой маленькой этнической единицы, которая по какому-то недоразумению до сих не состоит в официальном списке малых народов Поднебесной. Руководителем этого проекта является китайский фотограф и кинооператор Сю Ван Ли, житель Урумчи. Он с удовольствием показал нам свой офис, где одновременно работают и живут участники проекта. Там было

12 кроватей на случай, если зимой окажется сложно выбраться из Кома из-за большого снега, они могут спокойно жить в этом офисе. Ну и техническая оснащенность офиса тоже указывала на то, что это серьезный проект, от которого ждут конкретных результатов.

Помню, в 1993 году китайские тувинцы называли себя мончаками, потому что их так называли соседние народы, монголы и казахи. А сейчас они упорно говорят: «мы — тувинцы» (бис тыва бис). И это не случайно. Активизировать свою тувинскую идентичность им помог туризм, благодаря которому они превращаются в народ, в чем-то напоминающим музейный экспонат. Число желающих посмотреть на них растет из года в год — чем это не благоприятный момент, чтобы во весь голос заявить, что никакие они не мончаки, а самые настоящие тувинцы?

Монгольская коллега Сарангерел, которая не понаслышке знает о состоянии национальных меньшинств в Китае, в личной беседе сообщила, что в официальном списке числится 56 национальных меньшинств. Тувинцы пытаются официально стать 57, но пока им это не удастся. Думается, что процесс уже пошел, это вопрос лишь времени. На это указывают косвенные данные. Например, на задней части машины, которая обслуживала нас, красивыми иероглифами написано: «Тувинский дом в Кома». Да, именно тувинский дом, а не мончакский. По сути это была рекламная вывеска, где обозначены номера телефонов хозяев этого дома, выполняющего функции частного туристического агентства. Это значит, если кто-то захочет воспользоваться транспортными или гостиничными услугами тувинского дома, должны только набрать номер.

Рано или поздно встанет вопрос, если тувинцы на самом деле живут в Синьцзяне, то почему они до сих пор не занесены в список национальных меньшинств Китая. И вот тогда пробьет звездный час для тувинцев, которых до этого незаслуженно в паспорта записывали монголами, а в жизни называли мочаками.

Мода на китайских мужей

Когда я была у китайских тувинцев впервые, они дружно уверяли, что у них не принято выходить замуж за китайца, да и китайцев тогда в их краях практически не было. Их брачными партнерами в основном были монголы и изредка казахи, а самым желанным партнером считался тувинец или тувинка. Склонность к однонациональным бракам была продиктована не столько желанием тувинцев сохранить «чистоту крови», сколько боязнью появления нового члена семьи, принадлежащего к другой национальности, и в силу это-

го способного нарушить привычный уклад семейной жизни, существующие нормы взаимоотношений и этикета между поколениями и полами, традиции социального поведения и роль каждого члена семьи.

Однако с тех пор ситуация существенно изменилась. Сегодня браки тувинков с китайцами стали вполне обычным явлением.

В Ко́ме мы познакомились с одним китайцем, женатым на тувинке и сносно говорящим по казахски. Я никак не смогла запомнить его имя, оно оказалось настолько трудновоспроизводимым, что попытка его произнести вслух с непривычки могла закончиться народным русским фольклором. У него было двое детей и это исключительно благодаря его браку с тувинкой. Сыну 14 лет, дочери — 4 годика. Женился бы он на китайке, пришлось бы ограничиться одним ребенком. Известно, что 1980 г. Госсовет КНР ввел в действие лозунг: «Одна семья — один ребенок». Ожидаемый результат подобной демографической политики — удержать быстрорастущую численность населения в разумных пределах. При этом власти все же разрешили представителям национальных меньшинств, численность которых не превышает нескольких тысяч человек, иметь двух детей в семье. За право завести еще одного ребенка нужно заплатить налог в 3200 долларов США — сумма по местным меркам довольно крупная; а за нарушение закона грозит тюремное заключение. Поэтому браки китайцев с тувинками идут на пользу прежде всего самим китайцам.

Я познакомилась с супругой китайца. Ее звали Серик, она из рода Мончак, 1977 года рождения. Училась в казахской школе, поэтому с супругом дома общается на казахском. Рядом с ней все время крутилась маленькая дочь, которая однажды на чистейшем тувинском произнесла фразу «мама, я хочу спать» (мен удускап тур мен, мама). Я спросила Серик, в какую школу они с супругом собираются определить дочь. Она сказала, что девочка пойдет в китайскую школу. Их сын, с ее слов, тоже владеет тувинским. На вопрос, не забудут ли ее дети тувинский язык, Серик уверенно ответила, что этого не случится. Однако я сильно засомневалась, потому что при разговоре с ее супругом, который состоялся ранее, он чистосердечно признался, что их сын по-тувински не говорит, так как в детстве воспитывался китайской бабушкой, а младшая дочь говорит по-тувински, потому что растет рядом с тувинской бабушкой. Думаю, что Серик просто не хотела говорить правду об угасании родного языка в ее семье.

Серик готовила для нас еду, а ее супруг возил по разным местам. Это их семейный бизнес. Они живут в городе Бурчине, имеют там свое жилье. А в

Коме проводят туристический сезон, чтобы подзаработать. Для этого они приезжают сюда в конце апреля, снимают дом, 8-комнатную ночлежку со скромными удобствами, кухню у казаха за 30 тысяч юаней на весь период. Наводят чистоту и порядок и ждут постояльцев. На сей раз ими оказались мы. Серик сказала, что для меня, тувинки, они сделают скидку.

Практически во всех поселках с компактным тувинским населением встречались интернациональные браки, в которых жена — тувинка, а муж — китаец. И их число неуклонно растет, что тревожит старшее поколение. Если так и дальше пойдет, то не закончится ли это полной ассимиляцией тувинцев в миллиардном Китае?

За невестой — в Туву

В то время как тувинские девушки выходят замуж за китайцев, тувинские юноши мечтают посетить Туву и, если повезет, найти там свою вторую половину. Когда я спросила молодых ребят, почему они не женятся на китайках, они категорически ответили: «Это невозможно, у китайнок жесткий характер».

Один парень-тувинец при мне через Интернет общался с российской тувинкой Сюзанной, которая учится в Тайване и владеет китайским. Он решил сообщить ей новость, что к ним приехала тувинская исследовательница, то есть я.

Я пообщалась с этим молодым человеком. Он рассказал историю знакомства с моей землячкой. Это было в Хохот, во Внутренней Монголии. То ли в общежитии, то ли в другом месте (я не смогла уточнить — запутались в терминах) он вдруг услышал тувинскую песню. Она доносилась из соседней комнаты. Песню пела Сюзанна Кара-сал. Вот так они и познакомились. С тех пор прошло три года, они активно общаются в социальных сетях. Языком общения служит китайский. Парень планирует в скором времени пригласить Сюзанну к себе в гости. Станет ли она его невестой или нет — покажет время.

Между тем тема брачной миграции перед китайскими тувинцами стоит весьма актуально. И то, что молодые парни мечтают о невестах из Тувы, вовсе не случайно. Дело в том, что за последние годы среди китайских тувинцев заметно возросло число кровнородственных браков. Такая ситуация, естественно, вызывает недоумение, так как отношение к подобным бракам во все времена было однозначно отрицательным; тувинцы к ним относились с крайним осуждением, ибо такой союз дает нездоровое потомство. Нарушение традиции не поддается объяснению с точки зрения логики, однако мои интервьюеры мотивировали это тем, что у них в мужья и жены принято брать

только «своих». В таком случае ничего более разумного не остается, как импортировать невест из Тувы.

Встреча со старыми знакомыми

Помню, в 1993 году в Ак Хаба я остановилась в доме местного начальника Солонго Шингила. Это был очень колоритный мужчина — крупного телосложения, очень живой в общении, любящий петь по поводу и без повода, обладающий прекрасным чувством юмора. И в то же время он был очень строгим и требовательным руководителем — я лично видела, как он отчитывал двух молоденьких барышень за погрешности в работе.

Солонго Шингил отличался еще и тем, что был самым зажиточным человеком в своем селении. Только в его доме я увидела цветной японский телевизор, видео- и аудиоманитофоны, фотоаппарат и видеокамеру. Хозяин также имел движок, которым пользовался в летнее время, когда местную электростанцию из-за ее малой мощности временно отключали. Это сейчас этими вещами уже никого не удивишь в Синьцзяне, а тогда это было исключением из правил.

В Кома я познакомилась с молодым специалистом Дашем Обонбаем. Его предки переехали в Китай в 1913 г., т. е. через два года после падения господства маньчжуров на территории Тувы. Они, по его словам, были родом из Ак-Довурака — нынешнего административного центра Барун-Хемчикского кожууна Республики Тыва. Даш запомнился мне тем, что был очень общительным. Он пригласил меня к себе в гости, накрыл стол и мы три часа напролет обсуждали жизнь тувинцев в России и Китае.

Естественно, мне хотелось встретиться с ними еще раз. И я всех поставила в известность об этом. Наш гид Малчын сказал, что Солонго Шингила он специально привезет для меня из Ак Хаба в Ханас.

И вот я встретила со старым знакомым! Нашей общей радости не было предела, мы обнимались и нюхали друг друга как это принято делать у тувинцев. Солонго помнил все, что тогда было: как мы праздновали мой приезд,

куда ездили и о чем говорили, как случайно попали на свадебный пир, где я имела уникальную возможность наблюдать ритуальную сторону тувинской традиционной свадьбы. Он с ходу спросил, вышла ли я замуж. Когда узнал, что я замужем за русским, в шутку сказал: зря ты тогда не выбрала нашего мончакского парня, а то была бы нашей невесткой. Предложил сфотографироваться вместе, а сам говорит: не стой слишком близко ко мне, муж ревновать будет. Легкий непринужденный юмор остался при нем.

Солонго сейчас на пенсии. Чувствует себя в целом хорошо, только иногда беспокоит давление и ревматизм. Сказал, что недавно сделал себе заграничный паспорт в надежде, что кто-то из приезжавших из России тувинцев пригласит его в Туву. «Еще пять лет и я уже физически не смогу куда либо поехать», — говорит он. На прощание Солонго подарил бутылку китайской водки с напутствием: «Это для твоего супруга». На том и распрощались, он тут же уехал обратно в Ак Хаба.

Вслед за Шингилом ко мне пришла старенькая женщина. Мы с ней знакомы еще с прошлого раза. Я подарила ей свою книгу «Один народ: три судьбы». Это зрелище надо было видеть! Она так долго и внимательно рассматривала фотографии в книге и тихо произносила про себя: ваша юрта похожа на нашу, у нас тоже есть оваа (жертвенная куча на переправах — М. М.). А когда дошла до фотографий китайских тувинцев, стала тихо комментировать: этот старик два года тому назад «чортуй берген», то есть скончался, эта женщина переехала туда-то, это наш Ханас и т. д.

Позже подошли другие женщины, желавшие увидеть свою старую знакомую из Тувы. Мы долго тепло и душевно общались, расспрашивали друг друга о том, о сем. По их просьбе я всех их сфотографировала, им так хотелось остаться в моей памяти. А они никогда и не уходили, вот только вспомнить по именам я не смогла, но по лицам узнала всех. В основном это были женщины пожилого возраста. Двадцать лет назад им было между 45–55. Я их помню красивыми и крепкими, хорошо говорящими по-тувински, очень хлебосольными.

Неожиданная встреча меня ждала в местности Адыр дьт. Там жило несколько тувинских семей. В одной из них меня сразу узнали. Эта оказалась семья младшего брата Даша Оронбая — Дажы. Хорошо помню, когда мы с Дашем сидели у него дома в 1993 году, рядом с нами сидел мальчик-подросток лет 13–14. Он ни одного слова не проронил тогда, а только внимательно слушал нас. А теперь он, увидев меня, радостно воскликнул: «Ты — Марина Монгуш из России, ты у нас была в гостях двадцать лет назад, я тебя сразу узнал.

Я запомнил все, что ты тогда рассказывала нам. Мой брат Даш теперь живет в городе Алтае, мы часто вспоминали тебя». Он выпалил это на одном дыхании, а затем настойчиво пригласил в свою юрту и усадил на почетное место. Мы ели, пили, вели неторопливую беседу и не заметили, как пролетело полдня. Было очень душевно, трогательно и незабываемо.

Я бы снова хотела вернуться в эти славные края через какое-то время. Но на сей раз с тувинскими телевизионщиками, чтобы снять фильм о китайских тувинцах не для Японии, а для родной Тувы.

Список литературы:

Бавуу-Сюрюн, М. (2011) Социолингвистические заметки о тувинцах Китая [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_9/3028-bavuuusyurjun.html (дата обращения: 03.12.11).

Донгак, У. (2011) Научная экспедиция в Китай и Монголию [Электр. ресурс] // Тува. Азия. URL: <http://www.tuva.asia/news/tuva/4157-mongoliya-kitay.html> (дата обращения: 01.12.11).

Монгуш, М. В. (1995а) Тувинцы в Китае: проблемы истории, языка и культуры // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Серия историческая. Кызыл: Тувинское книжное издательство. Вып. XVIII. С. 30–55.

Монгуш, М. В. (1995б) О языке китайских тувинцев // Башкы. Кызыл. № 5. С. 77–82.

Монгуш, М. В. (1997) Тувинцы в Китае (Историко-этнографический очерк). Кызыл: Изд-во ИПК «Эне созу».

Монгуш, М. В. (2000) Брачно-семейные отношения у тувинцев в Китае // Башкы. № 1. С. 73–78.

Монгуш, М. В. (2002) Тувинцы Монголии и Китая. Этнодисперсные группы (история и современность). Новосибирск: Наука.

Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национальный музей этнологии.

Юша, Ж. (2011) Тувинцы в Поднебесной [Электр. ресурс] // Тувинская правда. URL: <http://www.tuvpravda.ru/2009-11-16-12-35-10/3487-2011-10-20-02-49-36.html> (дата обращения: 02.12.11).

Mongush, M. V. (1996a) Tuvinians in China: Aspects of their History, Language and Culture // Culture and Environment in Inner Asia. Society and Culture. Vol. 2. Cambridge. P. 116–133.

Mongush, M. V. (1996b) Tuvans of Mongolia and China: The Problems of Ethnolinguistic Situation // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 1. Seoul. P. 225–244.

Mongush, M. V. (1998) The Tuvans in China: Ethnic Identity and Language // Post-Soviet Central Asia. Leiden-Amsterdam. P. 331–336.

Mongush, M. V. (2004) Interethnic relations of Tuvans in Mongolia and China // International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Informatio Bulletin. Issue 24. Moscow. P. 343–355.

Todoriki, M. (2009) An Emerging Ethnic Identity among Xinjiang Tuvans // The DSCA Journal 2009: Danish Society for Central Asia's Electronic Yearbook.

AT XINJIAN TUVANS: TWENTY YEARS LATER

M. V. Mongush

Abstract: The article is about the international scientific expedition led by Japanese professor Y. Konagaya to Xinjiang district of the Republic of China in summer 2012. Author investigates the features of way of life and culture of Chinese Tuvans.

Keywords: Tuva, Xinjiang, Tuvans, Kok Monchaks, scientific tourism, small ethnic groups of China.